

Только что Лю Гуюй сам смеялся над тем, что Цинь Жунши - «ребёнок», а тот тут же вернул ему это же слово, и Лю Гуюй на мгновение лишился дара речи.

Он быстро повязал ленту на лоб и, поправляя её, спросил:

— Посмотри, ровно?

На руке у Цинь Жунши всё ещё была повязка - та самая, серовато-белая, теперь насквозь пропитанная кровью. Рана в ладони пульсировала жаром, а ткань казалась обжигающе горячей.

Услышав вопрос, он мельком взглянул и тут же отвёл глаза:

— Ровно.

Лю Гуюй не стал придирается к его равнодушию, присел и начал связывать бамбук верёвкой, чтобы легче было тащить. Но стволов было слишком много, всё равно придётся ходить туда-сюда несколько раз. Он как раз об этом думал, когда вдруг заметил среди опавших листьев маленький белый гриб. Он прятался под оболочкой бамбукового побега, словно крошечный дух в белом платье.

— О! Бамбуковый гриб?!

Лю Гуюй с грохотом бросил бамбук, подбежал, сорвал находку и радостно показал:

— Эрлан! Смотри! Это же он!

Он сиял от радости, глаза сверкали так ярко, что даже солнечный свет казался тусклее.

Цинь Жунши невольно улыбнулся и кивнул.

Лю Гуюй рассмеялся и, не теряя времени, ринулся дальше в бамбуковую рощу. Присев на корточки, он стал искать ещё и, к его удаче, действительно нашёл несколько грибов. Он собирал их один за другим, и улыбка не сходила с его лица.

Он сложил бамбуковые грибы в подол одежды, другой рукой подхватил несколько стволов бамбука и позвал Цинь Жунши спускаться вниз. Хотя левая рука у Жунши была ранена, правой он тоже подхватил бамбук и молча пошёл следом.

По дороге Лю Гуюй заметил, как крестьяне в поле убирают кукурузу, и вдруг о чём-то вспомнил:

— Эрлан, а наша земля где?

Цинь Жунши на мгновение замялся, потом ответил:

— Сдана в аренду.

У семьи Цинь осталось всего два му земли. Из-за слабого здоровья Цуй Ланьфан и того, что ни Жунши, ни Банбань не умели толком работать в поле, землю решили не оставлять пустовать и сдали в аренду семье по фамилии Чэнь. Эти люди были не местные, их родные места пострадали от бедствия, и они перебрались в деревню Шанхэ, где жили, арендуя землю.

Лю Гуюй задумчиво кивнул. Он хотел было что-то сказать, но вдруг заметил, как по дороге навстречу идёт женщина. Он нахмурился, пригляделся и быстро узнал её.

Цяо Хуэйлань. Его мачеха.

Когда-то она вышла замуж, уже имея сына от прежнего брака. Пока Лю-сюцай был жив, она относилась к «Лю Гуюю» очень хорошо, даже слишком, потакая во всём. Сам Лю-сюцай порой упрекал её: мол, так ребёнка можно избаловать. Тогда все вокруг только и говорили, какая она добрая и заботливая, как любит пасынка больше родного сына, настоящая святая.

Но после смерти Лю-сюцай всё изменилось. Она резко переменилась: стала бить и ругать «Лю Гуюя». А если кто-то спрашивал - плакала и говорила, что ребёнок непослушный, иначе с ним нельзя. Люди сочувствовали ей - молодая вдова, только что потеряла мужа... А сам «Лю Гуюй» к двенадцати-тринадцати годам не умел толком ничего - ни стирать, ни готовить, вообще не был приучен к труду, словно его растили в тепличных условиях. Из-за этого многие считали, что Цяо Хуэйлань просто довела до предела, и вместо упреков начинали ей сочувствовать.

Пока Лю Гуюй об этом думал, она уже подошла ближе. Притворяться она умела мастерски: на людях всегда выглядела мягкой и доброжелательной, никогда ни с кем не ссорилась. Именно поэтому столько жителей деревни были на её стороне.

— Гуюй, это ты? Ох, сколько ты бамбуковых грибов набрал! Какие свежие, прямо наливные!

Она заглянула в подол его одежды. Прямо ничего не сказала, но весь её тон ясно намекал - хочет, чтобы он сам отдал грибы.

— Твой брат сдавал провинциальный экзамен, сегодня как раз возвращается! Я как раз курицу купила, всё думаю, с чем бы её сварить... Эти грибы - самое то, с ними бульон будет просто отменный!

Лю Гуюй сделал вид, что ничего не понял. Он лишь плотнее прикрыл подол, спрятав грибы, и спокойно ответил:

— А Ло Нюдан всё ещё экзамены сдаёт? Который уже раз?

Ло Нюдан - прежнее имя сына Цяо Хуэйлань. После того как она вышла замуж, сын сменил фамилию на Лю по отчиму, Лю-сюцаю. Тот дал ему новое имя - Лю Цзайвэнь. Благодаря отчиму он получил возможность учиться, но таланта у него было немного: степень сюцая он смог получить лишь с третьей или четвёртой попытки, а дальше - провинциальный экзамен оказался ещё сложнее.

Однако само звание сюцая производило впечатление. В деревне к нему относились с уважением и звали «младший Лю-сюцай». Кроме того, он унаследовал школу Лю-сюцая и теперь сам обучал деревенских детей грамоте.

Лицо Цяо Хуэйлань на миг застыло, но она тут же натянула улыбку и с притворным укором сказала:

— Ах ты, ребёнок! Твой брат давно уже так не называется, а ты всё подшучиваешь над ним!

Сказав это, она снова уставилась на подол Лю Гуюя, словно хотела прожечь ткань взглядом. И добавила:

— Эх, сама сегодня вся в делах, а то тоже бы в бамбуковую рощу сходила - может, и мне бы пару грибов досталось... Гуюй, ты ведь сегодня свободен, да?

Свободный, значит?

Лю Гуюй в этот момент одной рукой тащил бамбук, другой придерживал подол с грибами.

Он кивнул:

— Да-да, конечно, свободен. С самого утра в гору полез - тренируюсь. Бамбук таскаю - силу рук развиваю. Слишком уж мне делать нечего.

— ...Ах ты, шутник! — неловко рассмеялась Цяо Хуэйлань.

Его слова рассмешили даже молчаливого Цинь Жунши, он тихо хмыкнул.

В этот момент мимо проходили несколько крестьян с мотыгами на плечах. Один из них, заинтересовавшись, спросил:

— Эй, мать сюцая, Лю-гэр, о чём это вы тут беседуете?

Цяо Хуэйлань ещё не успела ответить, как Цинь Жунши заговорил первым:

— Мы нашли немного бамбуковых грибов. Лю-нянцзы* просит мою старшую невестку отдать их ей.

(ПП: нянцзы - вежливое обращение к замужней женщине)

Цяо Хуэйлань тут же растерялась:

— Эй! Что ты говоришь, ребёнок! Я такого не говорила!

Цинь Жунши сделал вид, будто задумался, а затем кивнул:

— Понятно. Значит, Лю-нянцзы сказала, что моя невестка всё равно без дела сидит в доме мужа, пусть лучше вернётся в родной дом и поможет.

Лицо Цяо Хуэйлань окончательно изменилось:

— Я такого не говорила!

Она всегда старалась держаться приветливо, в деревне её считали добродетельной и мягкой, даже говорили, что жениться нужно именно на таких. Это доброе имя она выстраивала годами и никак не могла позволить себе его испортить.

Она поспешно улыбнулась, сглаживая неловкость:

— Да я просто пошутила, кто ж знал, что дети всё так буквально примут!

Крестьянин с мотыгой растерялся - он уже жалел, что вообще вмешался. Сухо усмехнулся и неловко кивнул. Щёки Цяо Хуэйлань порозовели - ей явно хотелось поскорее уйти.

— У меня... у меня дома курица на огне, пойду я!

Она поспешно ушла, оставив остальных переглядываться. Кто-то спустя паузу пробормотал:

— Вот что значит семья сюцая... с утра пораньше курицу варят?

Лю Гуюй усмехнулся, попрощался с деревенскими и вместе с Цинь Жунши потащил бамбук домой. Потом он ещё два раза сходил в горы, чтобы перетащить всё остальное.

К тому времени Цуй Ланьфан уже приготовила завтрак: испекла лепёшки из дикорастущей зелени и сварила овощной суп на вчерашнем рисовом отваре.

Время было ещё раннее. Лю Гуюй ел, запивая лепёшку супом, и вдруг сказал:

— Пока рано, схожу ещё в город, куплю всё для торговли... А, кстати, книгу, что ты взял, пора возвращать. Посмотри, что ещё хочешь почитать, я зайду в лавку и возьму тебе новую.

На этот раз Цинь Жунши не стал отказываться и сразу назвал книгу. Лю Гуюй кивнул и запомнил. В этот раз он пошёл один: быстро сходил, быстро вернулся, купил нужные вещи и заодно заглянул на мясной рынок и взял две большие говяжьи кости. Он решил сварить их с бамбуковыми грибами. Конечно, с курицей было бы вкуснее, но живая курица стоила дорого, а кости были дешёвые - всего девять вэнь за штуку, да ещё и с мясом на них.

Вся семья была худощавая: брат с сестрой росли, Цуй Ланьфан болела - экономить на еде было нельзя, поэтому Лю Гуюй не хотел ужиматься в расходах на продукты. К тому же он был уверен: всё это обязательно окупится на ярмарке.

Он закинул покупки в корзину и отправился домой. Набрал он много, ноша получилась тяжёлой, поэтому обратно поехал на воловьей повозке, которая возила пассажиров. Проезд стоил всего один вэнь. И вот удача - в повозке он встретил Лю Цзайвэня. Тот был одет как подобает учёному: в светло-сине-белое платье и с учёной шапочкой. Только вот кожа у него была смуглая, и от этого одежда казалась ещё светлее, подчёркивая его загар.

Он сидел с закрытыми глазами, будто дремал. Услышав, как Лю Гуюй садится, лишь приоткрыл веки, бросил на него холодный взгляд, словно не узнал, и снова закрыл глаза.

Лю Гуюй: ...

Ну и ладно. Не лезет, и хорошо. Буду считать, что его здесь нет.

Рядом сидели ещё двое односельчан. Одна женщина, заметив книгу в руках Лю Гуюя, с любопытством спросила:

— Лю-гэр, книгу купил? Для вашего эрлана? Он опять учиться будет?

В семье Цинь учился только Цинь Жунши - самый молодой туншэн с экзаменационной степенью в деревне. Раньше все говорили, что у него большое будущее, но после беды в семье люди смотрели на него уже с сожалением.

В корзине у Лю Гуюя было всё вперемешку - овощи, мясо. Он побоялся класть туда книгу, чтобы не испачкать, и держал её отдельно. Услышав вопрос, он повернулся и с улыбкой ответил:

— Да, наш эрлан очень умный, ему учёба по плечу!

Мальчик-то способный... только вот семья тянет назад. Женщина, конечно, не решилась сказать это вслух, но в душе ей было жаль мальчика. Поэтому она лишь добавила:

— Верно, верно, ваш эрлан - самый способный у нас в деревне. Глядишь, ещё и в чжуанъюани выбьется!

Услышав это, Лю Цзайвэнь нахмурился. Ведь единственный сюцай в деревне - это он. Значит, самым «перспективным» должен считаться именно он!

Он, похоже, уже забыл, что сдал экзамен едва-едва, последним номером. И что, едва сев в повозку, сразу закрыл глаза, притворившись спящим, лишь бы никто не спрашивал, как он сдал нынешний экзамен на цзюйжэня.

А как он его сдал? Еле разобрался в заданиях.

Он открыл глаза и, даже не взглянув на Лю Гуюя, равнодушно сказал:

— Чжуанъюаня получить нелегко. Об этом можно только мечтать.

Лю Гуюй: ...

Вот же Ло Нюдан!

В повозке повисла неловкая тишина. Женщина, только что говорившая, тоже смутилась и не знала, как теперь реагировать. Ну кто же не знает, что чжуанъюанем стать трудно? Это ведь просто слова поддержки!

Когда сам Лю Цзайвэнь получил степень сюцай, его тоже хвалили, называли «перерождённой звездой учёности». Красивые слова и только.

Терпение Лю Гуюя лопнуло. Он холодно усмехнулся и сказал:

— Господин Лю-сюцай, а вы всё ещё сюцай? Что же не сдаёте на цзюйжэня - не хотите, что ли?